(Botemarkt), чтобы посмотреть знаменитого клоуна Тетье Роен (Tetie Roen). Эта личность была знаменита раньше в качестве паяца у одного из шарлатанов, но в это время он имел собственный балаган, на котором стояла бочка. Здесь-то он и проделывал свои фокусы. Его клоунады пришлись очень по вкусу самым низшим слоям общества. Царь тем не менее показал удовольствие, которое принес ему этот человек; он даже предпринял несколько попыток увезти его с собой в Россию, но хитрая шельма чувствовал себя слишком хорошо в Амстердаме, чтобы пожелать изменить свое положение».[29] Это сообщение имеет для нас двоякий смысл. В нем подтверждается интерес Петра к фарсовому театру и содержится первое известие о намерении его пригласить иностранного артиста в Россию. Голландский театр, видимо, понравился Петру, так как язык ему был во всяком случае понятен, и посещение театра повторилось, как видно из записей «Расходной книги» Великого посольства: «...ездили с Остиндского двора все валентеры в декабре месяце в комедию».[30]

На значение лондонских театральных впечатлений Петра первый обратил внимание М. П. Алексеев. Он разъяснил, какую именно пьесу видел Петр в Лондоне: «Давалась пьеса „Королевы-соперницы, или Смерть Александра Великого". Это несомненно была трагедия Натаниеля Ли (1635—1692) ... имевшая блестящий успех, очень популярная в Лондоне в конце XVII в. и много раз переиздававшаяся (1677, 1684, 1694). Это был первый опыт трагедии Н. Ли в белых стихах: пьеса написана под заметным влиянием французского романа Ла Кальпренеда „Кассандра" и рассказывает о ревности первой жены македонского царя, Роксаны, ко второй — Статире».[31] М. П. Алексеев далее оспаривает мнение Богословского о том, что «в смысл пьесы Петр мог вникать, разумеется, только при посредстве переводчика и особой склонности к театру не обнаружил». По мнению М. П. Алексеева, «зорко приглядывавшийся ко всем явлениям иностранной жизни, вникавший во все мелочи ее бытового уклада, умевший давать им острую и верную оценку, Петр, несомненно, вполне ясно представил себе значение театра в английской жизни. Одного или нескольких посещений театра было ему для этого вполне достаточно: он в этом смысле уже мало напоминал тех московских послов, которые за несколько десятилетий перед тем равнодушно и безучастно присутствовали в Париже на представлении мольеровского „Амфитриона"; отношение его к иностранной речи также было уже совершенно иным; свободно говоривший по-голландски

---

[29] J. Scheltema. Anecdotes historiques sur Pierre le Grand et ses voyages en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717. Lausanne, 1842.

[30] М. М. Богословский. Материалы..., т. II, стр. 276.

[31] М. П. Алексеев. О связях русского театра с английским в конце XVII—начале XVIII в. — Ученые записки Ленингр. гос. унив., № 87. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943, стр. 130.